

Scan Mobb Deep, OCR&Spellcheck by Zavalery www.pocketlib.ru

"Пембертон Макс. Железный пират, романы.": АОЗТ "Принт-Ателье"; Москва; 1995 ISBN 5-88763-070-1

I. Сумасшедший просит о милости.

"Поезд отправляется! Поезд отправляется!" -- раздавался вдоль платформы крик железнодорожных служащих, торопивших пассажиров занимать свои места. Но рослый англичанин у буфета еще заказывал себе завтрак, а хорошенькая американка не торопясь, прихлебывала свой кофе, вопросительно поглядывая по сторонам. Как обычно, многие спешили и суетились, садясь в вагон, но бывалые путешественники, с улыбками смотревшие на них, не спеша, шли к своему месту. Проходила минута за минутой, а поезд все еще стоял, несмотря на то, что какой-то суетливый господин, кинувшийся при первом звуке слов "поезд отправляется" к своему вагону, затем вернувшийся впопыхах к буфету, уже минуты три жалобно заявлял во всеуслышание, что он непременно опоздает на поезд.

Я стоял у дверцы вагона, поджидая своего сумасшедшего приятеля, которого нигде не было видно. Через минуту поезд отправлялся из Кале в Париж, а его все еще не было. Куда он мог запропасться? -- думал я. Это был совершенно невозможный человек, этот маленький, нервный господин с узкими, точно щелочки, глазами, коротко стриженными волосами и странной таинственностью манер и поступков.

Случай столкнул меня с ним в Коусе, где я сел на свою яхту "Сельзис". Было это месяца три тому назад, и с тех пор этот странный человек следовал за мной, как тень. Он садился, непрощенный, за мой стол, ел мой хлеб и пил мое вино, и, по-видимому, относился безучастно ко всему, не исключая даже своей собственной персоны. Для него как будто не существовало никаких законов; ни в суждениях, ни в желаниях его не было, казалось, никакой последовательности: сегодня он хотел одного, завтра требовал совершенно другого, вчера утверждал, что земля имеет яйцевидную форму, а сегодня доказывал, что она круглая. При всем том, однако, в нем было что-то чрезвычайно привлекательное, что-то неуловимое, непонятное и загадочное, и я не только терпел его подле себя, но даже как-то странно привязался к нему.

Так и теперь -- я рисковал пропустить свой поезд в Париж и остаться еще на несколько часов в Кале из-за этого сумасброда, этого совершенно чужого и почти незнакомого мне человека.

-- Да идите же, наконец! -- сердито крикнул я, увидев его на конце платформы в тот момент, когда проводники уже захлопывали дверцы вагонов. -- Разве вы не видите, что поезд отходит?

Он продолжал идти не торопясь, как будто не слышал ничего.

-- Да ну же, Холль, Хилль, Хелль, или как вас там зовут, спешите или оставайтесь, я еду! -- крикнул я и вскочил в вагон.

В следующий момент кондуктор довольно бесцеремонно втолкнул в наше отделение моего спутника и захлопнул за ним дверь. Бедняга, потеряв равновесие, упал на свою шляпную картонку, задев при этом ноги Родрика, которого он разбудил, и тут же извинился.

-- Мне остается только пожелать, чтобы вы в следующий раз входили в вагон не на четвереньках, -- ворчливо заметил Родрик, -- и не будили людей, которые собрались заснуть. Я говорю не о себе, а о сестре, которую вы потревожили! -- добавил он.

Мой сумасшедший принялся извиняться перед Мэри, сидевшей в дальнем углу купе, и в заключение, обращаясь к Родрику, сказал:

-- Я очень виноват перед мисс Мэри и при всем желании не могу подыскать извинения, достойного вашей сестры.

Такая чрезвычайная вежливость с его стороны крайне удивила меня, хотя Мэри, которой теперь было уже шестнадцать лет и которую я знал с детства, была действительно особенно мила сегодня в своем изящном дорожном платье и простенькой шляпке.

Сконфуженная такой любезностью, Мэри покраснела и стала уверять, что никогда не спит в вагоне.

Поезд медленно полз по песчаной отмели, тянувшейся от Кале до Булони. Родрик опять уже крепко спал; хорошенькая головка Мэри, вопреки ее уверениям, тоже склонилась на подушку. Мой загадочный спутник, казалось, тоже дремал.

Какая странная компания собралась в этом отделении вагона, -- думалось мне. Об этом человеке,